

Соглашение об отказе от права на обращение в суд: российский и зарубежный опыт

Денис Быканов,

к. ю. н., адвокат, партнёр *MGP Lawyers*
bykanov.dd@mgplaw.ru

Актуальность

Отказ от права, или «отступление от права» (согласно дореволюционной терминологии), как и его разновидность, соглашение об отказе от права на обращение в суд, остаётся в настоящее время актуальной проблемой, несмотря на предпринятые законодателем меры по её частичному решению. В 2009 году в Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России (далее – Концепция)¹ отмечалось:

«Другой, не менее значимой проблемой, связанной с общими положениями о договоре, является отсутствие в российском гражданском законодательстве разработанного института отказа от гражданских прав, совершаемого по воле лица на основании договорного соглашения» (п. 2.2. Концепции)

Практика показала, что п. 2 ст. 9 ГК, предусматривающий, что отказ от осуществления своих прав не влечёт их прекращения, кроме случаев, предусмотренных законом, является фактором, сдерживающим развитие гражданского оборота. Если во время подготовки проекта ГК включение подобного предписания можно было хоть как-то оправдывать, то сейчас такое ограничение, «совершенно не нюансированное и лишённое каких-либо отступлений от общего правила, очевидно, не соответствует современному уровню развития отечественного гражданского оборота» (п. 2.2. Концепции).

Для целей создания более гибкого правового регулирования и последовательной реализации принципа свободы договора в Концепции предлагалось отразить в ГК «детализированное правовое регулирование договорных соглашений об отказе от права и соответственно скорректировать ст. 9 ГК РФ» (п. 3.2. Концепции). Однако последовательно реализовать реформу в этой части не удалось, указанная статья

¹ П. 2.2. Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России (проект рекомендован Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по опубликованию в целях обсуждения (протокол № 66 от 26.01.2009). URL: <https://privlaw.ru/sovets-pokodifikacii/conceptions/> (дата обращения: 10.12.2021).

закона осталась нетронутой, лишь предприниматели получили возможность отказа от осуществления своего субъективного права (п. 6 ст. 450.1 ГК).

Зарубежное регулирование

Рассматриваемый институт был известен ещё в римском праве как простой отказ от права или заявление лица о нежелании приобрести право (*renuntiatio*). Кроме того, имело место употребление формального акта прекращения обязательства (*acceptilatio*) и соглашения о непредъявлении требования (*pactum de non petendo*), которое, не прекращая материальное требование, влекло процессуальные последствия, предоставляя должнику право на возражение при предъявлении требования (*exceptio pacti conventi*). Причина того, что указанные институты были соглашениями, кроется в формализме римского права: если обязательство установлено соглашением двух сторон, то прекратиться оно могло также лишь по соглашению².

В Германии возможность отказа от субъективного гражданского права следует из принципа автономии воли³. В правовой системе ФРГ существуют два правовых явления: отказ от права (*Verzicht*) и неосуществление права (*Nicht-ausübung*). Неосуществление права представляет собой простое бездействие. Водоразделом, разграничивающим неосуществление права от отказа от права, выступает отсутствие волеизъявления, направленного на прекращение права. Неосуществление права не означает прекращения данного права, оно не влияет на динамику правоотношения, и лицо может реализовать такое право в дальнейшем, прервав своё бездействие⁴.

Отказ от права (*Verzicht*), в свою очередь, может быть совершён посредством односторонней абстрактной распорядительной сделки (*Verzichtserklärung*), требующей восприятия другой стороной.

Отказаться можно не только от прав, предоставленных материальным законом, но и от сугубо процессуальных прав, при этом такая возможность прямо предусмотрена в ряде норм процессуального закона: отказ от требования (§ 306 Гражданского процессуального кодекса Германии (далее – *ZPO*), отказ от возражения (§ 346 *ZPO*) и др.

Совершение отказа и заключение соглашения об отказе от права на обращение в суд не допускаются лишь в ряде определённых случаев, которые закреплены в законе или выработаны германской судебной практикой. Например, невозможно отказаться от будущего права на получение алиментов (п. 1 § 1614 ГГУ).

² Kleinschmidt J. § 397. Erlass // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Bd. II. Schuldrecht: Allgemeiner Teil. §241–432. 2. Teilband: §305–432, 2007. S. 2257. Цит. по: Акимова И.И. Формы и последствия отказа от осуществления прав по договору в свете реформы российского гражданского законодательства // Опыт цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. С. 45–72.

³ Timme M. Erlass und Verzicht im Zivil- und Wirtschaftsrecht. Studien zum Zivilrecht. Hamburg, 2011. S. 1. Цит. по: Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 93–131.

⁴ Власова Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых системах // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 85–97.

Во французском праве также не содержится общих ограничений отказа от права (*Renonciation*), который совершается посредством заявления об отказе от права (*Abandon*). Как и в Германии, французская практика знает лишь частные случаи, когда отказ от права невозможен.

В английском праве и праве США возможно отказаться от процессуальных и материальных прав вне зависимости от того, возникли указанные права на основании заключённого договора или закон управомочивает субъекта отказа от права.

Основные механизмы отказа от права на обращение за судебной защитой сводятся к отказу от права как договорному обязательству не заявлять иск (*covenant not to sue*) и односторонней сделке, не требующей встречного предоставления (*waiver*).

Важно отметить, что в английском праве нет единого института *waiver*, который фактически существует в виде отказа посредством выбора (*waiver by election*) и отказа посредством эстоппеля (*waiver by estoppel*) или эстоппеля из обещания (*promissory estoppel*)⁵. Как следует из названия, последний вариант сливается с институтом эстоппеля, единой концепции которого в Англии также не существует⁶.

В англо-американской судебной практике сформировался ряд прецедентных ограничений отказа от прав, в частности, в праве США нельзя отказаться от права на иск, вытекающий из недействительности договора или отдельных его положений⁷. Кроме того, чтобы отказаться от права, необходимо, чтобы оно уже существовало в момент отказа⁸.

За нарушение обязанности, принятой по соглашению об отказе от права на обращение в суд, с нарушителя могут быть взысканы убытки, кроме того, пострадавший вправе добиваться судебного запрета на подачу нарушителем иска (*injunction*)⁹.

Российский закон и практика

Функция соглашения об отказе от права заключается в том, что оно, во-первых, способствует предотвращению конфликтных ситуаций, а во-вторых, ограничивает возможную ответственность и риск её наступления. Более того, отказ от права на обращение в суд может быть средством профилактики шиканозных действий. Известно, что злоупотребление правом может выражаться в форме обращения с судебными исками, и есть много примеров, когда сам факт предъявления иска уже причиняет ущерб ответчику (репутационный вред; ущерб, выражающийся в срыве готовящихся сделок, отказов в выдаче кредита, понижении стоимости акций ответчика и т.д.).

Немаловажным практическим обстоятельством, которое выгодно отличает соглашение о невзыскании от другого смежного института – соглашения о прощении долга, явля-

⁵ *McKendrick E. Contract law. 9th ed. London, 2011. P. 95.*

⁶ *McKendrick E. Op. cit. P. 95–96.*

⁷ 28 Am. Jur. 2d Estoppel and Waiver, § 198. Цит. по: *Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. 2012. № 3. С. 133–145.*

⁸ *Бойко Т.С. Указ. соч. С. 133–145.*

⁹ *Chitty on Contracts, 2008. Vol. 1. P. 1456. Цит. по: Бойко Т.С. Указ соч. С. 133–145.*

ется налоговый аспект. Рассмотрим ситуацию, при которой пострадавший из деликта получает право на предъявление иска в суд. Если стороны такого правоотношения договорятся, то они могут подписать договор о прощении долга (дарение). В таком случае у должника возникает обязанность уплатить налог с полученного таким образом дохода, что во многих случаях совершенно не соответствует преследуемой цели восстановления нарушенных прав кредитора, поскольку она может выражаться не только в стремлении получить денежную компенсацию, но и в получении льгот, нематериальных преимуществ, и, наконец, в обязанности не предъявлять встречные требования. При заключении же соглашения об отказе от права на обращение в суд с иском о взыскании причинённого вреда обязанности должника уплатить налог с дохода не возникает, поскольку юридически кредитор по-прежнему обладает субъективным гражданским правом, другое дело, что реализовать принудительно это право и потребовать уплаты (компенсации вреда) в суде будет нельзя.

Соотношение прощения долга и отказа от права следует рассмотреть еще и в другом аспекте. В некоторых случаях они будут совпадать. Представляется, что тогда отказ от права и прощение долга следует соотносить между собой как форму и содержание. В таком случае, если посредством отказа от права на взыскание долга по договору займа кредитор преследует цель простить такой долг, то к такой сделке, исходя из примата содержания над формой, следует применять правила о прощении долга и, как следствие, все соответствующие ограничения, касающиеся запрета и ограничения дарения. Этот аспект следует учитывать и в налоговых отношениях, о которых шла речь выше.

Невзирая на очевидную практическую востребованность, судебная практика по-прежнему нередко нейтрализует соглашения, направленные на отказ от права на обращение в суд, признавая их ничтожными¹⁰. Отличия между подходами арбитражных судов и судов общей юрисдикции заключаются лишь в обосновании (недействительность отказа от права на обращение в суд, установленная ч. 2 ст. 3 ГПК РФ и ч. 3 ст. 4 АПК РФ; ст. 9 ГК; ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Так, например, суды повсеместно признают недействительными условия об отказе от предъявления требований к застройщику при передаче жилого помещения:

«Кроме того, в силу части 2 статьи 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 3 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации отказ от права на обращение в суд недействителен. С учетом изложенного суды пришли к правомерному выводу, что пункт 6 акта приема-передачи квартиры, подписанный между ООО «Саб-Урбан» и кредитором (Хитеевой М.А. – Д.Б.), не лишает последнего права на предъявление неустойки»¹¹

По другому требованию суд отметил, что положение акта приёма-передачи квартиры, «в котором указано, что участник долевого строительства отказывается от всех требо-

¹⁰ См. постановление Десятого ААС от 30.01.2020 по делу № А41-76848/2019, оставленное без изменения постановлением АС Московского округа от 16.06.2020 по делу № А41-76848/2019 и др.

¹¹ См.: постановления АС Московского округа от 05.08.2020 по делу № А41-88538/2017, от 30.07.2020 по делу № А41-88538/2017.

ваний к застройщику, возникших в связи с заключением, исполнением и расторжением договора долевого участия ... является ничтожным» со ссылкой на приведённую выше норму¹². Представляется, что лишение силы подобных условий правомерно, однако правовое обоснование уязвимо для критики. Дело в том, что приведённые формулировки обычно навязываются потребителям (под угрозой непередачи квартиры или совершения других неправомерных действий), что влечёт их оспоримость (п. 1 ст. 179 ГК) или признание их явно обременительными (ст. 428 ГК).

Другой пример также демонстрирует сочетание правильного вывода с негодным правовым обоснованием. В одном из дел суд указал, что «поскольку в силу ч. 3 ст. 4 АПК отказ от права на обращение в суд недействителен, положения пункта 9.4 государственного контракта в части ограничения возможности кредитора предъявить претензию за пределами 6 месяцев после нарушения обязательства другой стороной применению не подлежат»¹³.

Более обоснованной представляется позиция, согласно которой приведённое условие следует торпедировать с помощью других правовых механизмов. Нельзя соглашением ограничить срок предъявления претензии, требования или иска, поскольку тем самым изменяется срок исковой давности, что делает условие недействительным в силу ст. 198 ГК.

Обозначенная тенденция расширения запрета на отказ от права долгое время приводила к тому, что отказ от права на обращение в суд можно было реализовать только в двух процессуальных формах, обе из которых требовали содействия со стороны суда: мировое соглашение¹⁴ и отказ от иска.

Иными словами, для того чтобы заключить соглашение об отказе от права на обращение в суд, следовало сначала обратиться в суд. Во многих случаях это вызывало неудобства, поскольку, во-первых, сам факт предъявления иска может быть неприятным, а во-вторых, суд может не принять отказ от иска и не утвердить мировое соглашение под предлогом нарушения закона или прав третьих лиц (ч. 5 ст. 49 АПК РФ, ч. 2 ст. 39 ГПК РФ).

Вместе с тем в некоторых случаях и раньше возможно было заключить действительное соглашение об отказе от права на обращение в суд в простой письменной форме. Решение указанной проблемы кроется в выборе правильных формулировок договора. Одно дело, когда стороны прямо заявляют о своём отказе от права, а другое – когда они достигают аналогичной цели, предварительно оценив размер притязания и «создав» силой своих слов конкретный долг.

¹² См. постановление АС Московского округа от 30.07.2020 по делу № А41-88538/2017.

¹³ См.: постановления АС Московского округа от 28.04.2021 по делу № А40-88398/2020, от 23.03.2021 по делу № А40-222372/2019, от 02.11.2020 по делу № А40-224322/2019.

¹⁴ При этом в п. 13 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» разъяснено, что «стороны при заключении мирового соглашения могут самостоятельно распоряжаться принадлежащими им материальными правами, они свободны в согласовании любых условий мирового соглашения, не противоречащих закону, в том числе при включении в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства». Иными словами, в мировом соглашении можно не только отказаться от осуществления конкретного субъективного права, но и отказаться от самого права, а также распорядиться связанными требованиями, которые не были предметом спора.

К примеру, стороны деликтного отношения могут заключить договор о признании нарушения, оценке причинённого вреда и последующем прощении такого долга или компенсации его в обоюдно приемлемой форме. Действуя таким образом, стороны *de facto* препятствуют обращению в суд по факту нарушения.

Следует добавить, что в настоящее время возможно также заключение соглашения об отказе от права на обращение в суд и в форме медиативного договора, удостоверенного нотариусом.

Изменение тенденции

Хотя действующие ГПК РФ и АПК РФ текстуально сохраняют ограничения на отказ от права на обращение в суд, в более поздней кодификации подход законодателя стал менее ригидным. Так, в КАС РФ, принятом в 2015 году, уже нет такого безусловного запрета. Согласно ч. 2 ст. 4 КАС РФ недопустимым является только принуждение к отказу от права на обращение в суд, а не сам отказ.

Впрочем, некоторые учёные стараются истолковать данную норму иначе, без учёта ее положения в системе кодекса. Так, А.В. Юдин пишет, что «по всей вероятности, в данной норме КАС РФ запрещается принуждение к отказу от права на обращение в суд, когда такое обращение уже состоялось (например, в форме отказа от административного иска – ч. 2 ст. 46, подачи заявления о возвращении административного искового заявления – п. 6 ч. 1 ст. 129 и др.)»¹⁵.

Надо сказать, что многие судьи придерживаются аналогичной позиции. Например, в п. 23 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» суд применил данную норму КАС РФ к отказу от апелляционной жалобы.

Итак, хотя в КАС РФ законодатель избрал более взвешенный и осторожный подход, сделав акцент на запрете принуждения, а не на запрете самого волеизъявления на отказ, судебная практика реакционно обессилила избранную законодателем позицию, сведя её применение к отказу от заявленных исков и жалоб. Подобное толкование ведёт к совершенно абсурдному дублированию имеющихся процессуальных (в части возможности отказа от иска или жалобы: ч. 2 ст. 46, ст. 303 КАС РФ и др.), а также, как будет показано ниже, материальных норм (в части недействительности принуждения).

Как известно, принуждение может быть психическим (угроза совершения правомерных или неправомерных действий) и физическим. Последнее может быть преодолимым (например, удары, пытки) и непреодолимым (например, связывание человека). При совершении сделки очевидно, что непреодолимое физическое принуждение исключается, поскольку закон связывает совершение сделки с волеизъявлением, которое всегда является результатом выбора модели поведения. Выражая свою волю на заключение соглашения, лицо, находящееся под давлением (психической угрозы совершения не-

¹⁵ Юдин А.В. Недействительность отказа от права на обращение в суд в цивилистическом процессе: теоретико-практические проблемы // Вестник гражданского процесса. 2017. № 3. С. 11–33.

правомерных действий или преодолимым физическим принуждением), желает прекращения насилия в отношении себя, однако воля пострадавшего оказывается полностью подавленной, а следовательно, он не может руководить своими действиями и выражать свою действительную волю. Что касается совершения сделки лицом, находящимся под влиянием угрозы совершения неправомерных действий, то, хотя и несомненно, что это деформирует его волю, но, как справедливо отмечается в литературе, это не должно становиться основанием недействительности сделки¹⁶. В противном случае любые переговоры и торговля в значительной степени были бы ограничены.

Таким образом, диспозиция ч. 2 ст. 4 КАС РФ полностью охватывается действием ст. 179 ГК, и дублирование имеющегося запрета совершения сделок под влиянием насилия и угрозы явно избыточно. Такая норма представляет скорее некий компромисс, переходную модель от полного запрета отказа от права (ч. 2 ст. 3 ГПК РФ и ч. 3 ст. 4 АПК РФ) к постепенной его отмене, поскольку формулировка ч. 2 ст. 4 КАС РФ, как можно предположить из приведённого сравнения её с другими законами, объясняется скорее особенностями законодательного процесса, чем практической необходимостью.

Осталось разобраться в вопросе о запрете отказа от права, установленного в материальном законе. При ближайшем рассмотрении в п. 2 ст. 9 ГК речь идёт не об «отказе от права», а об «отказе от осуществления права». Закон устанавливает, что отказ от осуществления субъективного права не влечёт его прекращения. Речь не идёт о недействительности отказа от осуществления права и в процессуальных законах (ч. 2 ст. 3 ГПК РФ и ч. 3 ст. 4 АПК РФ).

Иными словами, негативное обязательство (речь идёт о воздержании от определённого действия по п. 1 ст. 307 ГК) в виде отказа от осуществления права на обращение в суд согласно указанным нормам действительно, но не влечёт прекращения права.

В чём же тогда состоит различие запрещённого «отказа от права» и разрешённого, если следовать вышеуказанной логике «отказа от осуществления права»?

Как представляется, различие исследуемых правовых институтов кроется в их юридических последствиях. Нарушение должником негативного обязательства об отказе от осуществления гражданского права, видимо, должно влечь возмещение убытков (ст. 393 ГК), если должник решит всё же осуществить свое право. Именно к такому выводу пришли арбитры в одном из дел, рассмотренном МКАС при ТПП РФ, указав следующее:

«В рассматриваемом деле применение пункта 2 статьи 9 ГК РФ означает, что при рассмотрении дела о взыскании долга по договору займа с компании не могло быть отказано в иске со ссылкой на его обязательство, предусмотренное Договором, не предъявлять иски о взыскании займов». «Таким образом, сумма, взысканная с компании, представляет собой убытки, причиненные нарушением Истцом (Ответчиком по встречному иску) принятого на себя негативного обязательства»¹⁷

¹⁶ Козлова Н.В. Гражданско-правовая сделка как юридический факт в динамике гражданско-правового отношения // Предпринимательское право: современный взгляд: монография / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. С. 326.

¹⁷ Решение МКАС при ТПП РФ от 01.08.2017 по делу № 244/2016.

Что касается отказа от права, то он должен иметь своим последствием прекращение права и юридическую невозможность последующей реализации несуществующего права. Иначе говоря, в первом случае лицо, отказавшееся от своего права на обращение в суд, будет иметь такую возможность, а во втором – нет.

При таком толковании отказ от осуществления права на обращение в суд во многих случаях бесполезен и не достигает своей цели – недопустимости возбуждения судебного процесса, если только не прибегать к помощи запрета на злоупотребление правом, одним из последствий которого выступает отказ лицу в судебной защите принадлежащего ему права (п. 2 ст. 10 ГК).

Законодатель в ходе реформы гражданского права¹⁸ в вопросе правовых последствий отказа избрал несколько иной путь, отказавшись от чёткого разграничения понятий и общей либерализации института. Согласно п. 6 ст. 450.1 ГК в рамках заключённого договора сторона-предприниматель вправе отказаться от осуществления своего права, возникшего на основании конкретных обстоятельств, предусмотренных правовым актом или договором. В этом случае осуществление такого права впоследствии не допускается.

В таком случае следует согласиться с существующей позицией, согласно которой в указанной норме допущена терминологическая неточность, и речь в ней идёт не об отказе от осуществления права, а именно об отказе от права¹⁹.

Отрадно, что в последнее время судебная практика стала понемногу меняться, хотя и не со ссылкой на принципы автономии воли и свободы договора, а скорее из соображений недопустимости непоследовательного недобросовестного поведения. Так, КС РФ в одном из дел, установив, что суды отказали Г.Б. Соколову в удовлетворении его требований о признании недействительными сделок в части условий, предусматривающих отказ заявителя от судебной защиты своих прав, указал, что «оспаривание Г.Б. Соколовым отдельных пунктов заключённых им соглашений представляет собой недобросовестное поведение»²⁰.

Выводы

Подводя итог, следует признать необоснованной практику признания соглашений об отказе от права на обращение в суд ничтожными, поскольку в основе решения об отказе в придании таким соглашениям правовой защиты обычно находится частный, а не публичный интерес. Более того, ни одному из известных автору развитых иностранных правопорядков (ФРГ, Франция, Англия, США) не знаком общий запрет на отказ от права, и в частности на отказ от права на обращение в суд. Изложенное

¹⁸ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁹ *Акимова И.И.* Указ. соч. С. 45–72.

²⁰ Определение КС РФ от 26.02.2021 № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Геннадия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью 3 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

позволяет сделать осторожный прогноз о том, что в ближайшей перспективе суды будут отходить от практики нуллификации соглашений об отказе от права на обращение в суд.

Отказ от осуществления права представляет собой одностороннюю перцептивную сделку (ст. 165.1 ГК), для совершения которой достаточно волеизъявления одной стороны (п. 2 ст. 154 ГК). Это не исключает включения условия о таком отказе и в двустороннюю сделку – договор. Рассматриваемый отказ, без сомнений, может быть совершён под суспензивным (отлагательным) условием. Возможность совершения отказа под резолютивным (отменительным) условием зависит, как было показано, от выбранной герменевтической парадигмы. Если согласиться с тем, что отказ от осуществления права не влечёт его прекращения, то такая сделка может быть поставлена под отменительное условие, поскольку, как справедливо подчеркивается в литературе, в случае распоряжения правом в форме отказа от него, т.е. при его прекращении, нет места резолютивному условию²¹.

Несмотря на изложенное, список проблем, которые покрываются понятием соглашения об отказе от права и которые только предстоит решить судам, довольно широк: от общих проблем ограничения правосубъектности, правомочий в составе субъективного права, формы отказа от права, отказа от его осуществления и смешения последнего с эстоппелем до негативных обязательств и соглашений об отказе от отдельных субъективных прав. Однако, с учётом изложенного, главной проблемой при заключении соглашений об отказе от права на обращение в суд остаётся их юридическая сила, которая обостряется в договорах с лицами, не являющимися предпринимателями.

²¹ Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017 (автор комментария – А.Г. Карапетов).